

Идеи А.Н. Леонтьева и их значение для современной психологии

В.А. Иванников

доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности факультета психологии,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

В статье анализируются некоторые идеи А.Н. Леонтьева и рассматриваются следствия принятия этих идей для развития общей психологии, в частности для понимания поведения живых существ через понятие деятельности, процессов восприятия и мотивации, волевой регуляции. Подчеркивается идея понимания психики как субъективной составляющей деятельности. Анализируется понятие «чувственное переживание» и роль деятельности в преобразовании переживаний в ощущение. Анализируется вклад А.Н. Леонтьева в понимание процесса мотивации через введение понятия предмета потребности и новое понимание мотива деятельности, а также роль понятия смысла в создании временной производной побудительности цели и в волевой саморегуляции. Показана связь идей Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева и взаимосвязь основных положений культурно-исторической психологии и теории деятельности А.Н. Леонтьева.

Ключевые слова: субъективные переживания (чувствования), деятельность, предмет потребности, мотив, мотивация, смысл, воля, высшие психические функции, культурно-историческая деятельность.

Юбилей ученого — это хороший повод для того, чтобы оценить новые идеи его работ и понять их значение для современной психологии. Особенностью работ А.Н. Леонтьева является их глубокий подтекст, который, я думаю, специально не раскрывался автором, потому что глубинные его идеи вряд ли бы могли быть приняты официальной советской философией. Вероятно, по этой причине часть работ была опубликована только после смены идеологии страны, а поэтому осталась недостаточно известной для широкого круга читателей. При одном из разговоров с Алексеем Николаевичем я понял, что он жалеет, что часть его работ не была опубликована, и в связи с этим хочется поблагодарить его внука Д.А. Леонтьева, собравшего эти рукописи и издавшего их (имею в виду «Философию психологии»).

Не претендуя на глубину и всеобщность анализа работ А.Н. Леонтьева, хочу отметить ряд идей, которые лично мне кажутся важными, интересными и эвристичными для современной психологии.

Еще в начале XX в. Л.С. Выготский показал, что психика человека всегда функционирует не как набор отдельных психических процессов, а как единое целое — системно построенное по своей организации, и поэтому надо все время помнить о целостном едином процессе психической регуляции деятельности, где выделение отдельных психологических процессов (восприятие, мышление, память, воля и пр.) есть лишь теоретическое удобство для подробного анализа этих процессов, часто поднимающихся до уровня самостоятельных психических действий. И это единство определяется жизненной направленностью всех психических процессов. Психика возникает, существует и развивается не сама по себе, а в процессе уп-

равления и регуляции деятельности живых существ, на основе конструируемых субъектами активности образов поведенческого пространства их жизни.

Такое понимание психики, идущее от И.М. Сеченова, представлено и развивалось в работах С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева. В их исследованиях психика понимается как особое звено приспособительного поведения, как субъективная составляющая деятельности (ее момент. — А.Н. Леонтьев). Тем самым утверждается положение о природном происхождении психики и ее служебном характере. А это значит, что психика возникает не на пустом месте и что существуют допсихические формы отражения и управления поведением живых существ на основе учета условий среды.

Еще И.М. Сеченов заметил, что «физиология представляет целый ряд данных, которыми устанавливается родство психических явлений с так называемыми нервными процессами в теле, актами чисто соматическими» [8, с. 123]. И об этом прямо писал А.Н. Леонтьев, выделяя допсихическое отражение в виде переживаний как особых состояний организма, которые являются не психологическими, а физиологическими фактами. Это состояние «выступает как психологическое только в меру того, в меру чего оно входит в деятельность» [6, с. 170]. Ощущение как «открытие» свойств (качеств) предметов строится субъектом деятельности и переживаний на основе чувствований как особых состояний и является продуктом особой активности субъекта — созданием (конструированием) простейшего образа поведенческого пространства субъекта деятельности. В методологических тетрадах А.Н. Леонтьев писал, что ощущение «...становится моментом психологичес-

ким, только выступая в деятельности по отношению к действительности, т. е. в меру того, в меру чего оно является *посредствующим* осуществление этого отношения» [там же, с. 169]. И далее: «...лишь в том случае, когда через ощущение устанавливается отношение к предмету, это отношение становится фактом восприятия — психологическим фактом» (с. 171). То есть психическое отражение отличается от до-психического тем, что последнее дано организму как его состояние, его переживание (чувствование) и никак не связано с его внешней активностью; а психическое открывает субъекту переживаний и активности не только полезные свойства предметов, но и свойства объектов поведенческого пространства, которые не являются полезными или вредными сами по себе, и их значение для организма субъект должен установить в своей приспособительной или исследовательской деятельности. Из этого следует, что в образе объекта надо различать его чувственную основу определенной модальности как язык, на котором субъект пытается описать предметные условия поля своей деятельности, и содержание образа как предмета, который конструируется субъектом. Способность к чувствованию (особому состоянию) как сенсорному языку задается организму; образ предметных условий поля действий — строится субъектом с помощью чувствований (как строительного материала и языка) через взаимодействие с объектом. Объект дается (открывается) субъекту как предмет, создаваемый субъектом по запросам его деятельности. Без взаимодействия с объектом субъект, имеющий опыт создания образов объектов, с помощью воображения может построить или образ памяти, или образ несуществующего в мире объекта.

Введение в психологию понятия «деятельность» есть важнейшее достижение науки. А.Н. Леонтьев был одним из первых психологов, кто увидел научную значимость этого понятия и постоянно пытался внедрить его в психологию. Он не принимал понятие «поведение» в том значении, как оно сложилось в бихевиоризме и рефлексологии, но принимал его как житейское понятие, как обозначение факта наблюдаемой внешней активности живых существ, в том смысле как мы говорим о наблюдаемом нами факте движения Солнца и Луны по небосклону. Понятие деятельности было для А.Н. Леонтьева научным понятием, которое необходимо вводить в психологию для адекватного понимания поведения. Если поведение есть физическая картина внешней активности живого существа, то деятельность является решением приспособительных адаптивных или созидательных задач живого существа, представленных в его актуализированных потребностях или в принятых человеком требованиях общества. Отношения между понятиями поведения и деятельности такие же, как отношение житейских представлений о видимой реальности космоса (солнце, луна, звезды) и представлений астронома, выделяющего звезды (солнца), планеты, их спутники, звездные системы и галактики и пр.

Понятие «поведение» есть обозначение житейского факта наблюдаемой активности живых существ. Житейское сознание может описать эту активность, выделить особенности поведения разных видов животных и отдельных людей, но не может объяснить его. Понятие «деятельность» вводится А.Н. Леонтьевым как научное понятие, призванное объяснять поведение живых существ, понимая его как решение приспособительных задач разными способами двигательной активности. Деятельность рассматривается как «единица жизни» живого существа и снимает все ранее предложенные принципы объяснения поведения (инстинкт, рефлекс, тропизм, навыв и пр.) как частные случаи деятельности в особых условиях поведения. Жизнь не равна деятельности, но деятельность всегда есть «кусочек» жизни. Поэтому поведение следует понимать как физическую картину активности живых существ (как то, что наблюдает житейское сознание), а деятельность как решение живыми существами их жизненных задач с помощью собственной активности, в основном двигательной. Именно поэтому деятельность требует такого отображения предметных условий поведенческого пространства субъекта, которое позволяет ей быть успешной.

Это значит, что только с появлением деятельности возникает задача психического отражения вначале предметных условий поведенческого поля (пространства), а затем и мира, в котором живет человек, и что только деятельность как реализатор отношений живого существа с миром определяет развитие психики. Поэтому переживание (чувствование) как состояние организма первоначально никак не связано ни с деятельностью, ни с психическим отражением. И только включаясь в деятельность, чувственность становится основой для порождения ощущений и отражения (конструирования) субъектом предметов с какими-то качествами, похожими на реальные свойства объектов, с которыми живое существо вступает в жизненные отношения.

Важным научным достижением А.Н. Леонтьева является его новое понимание мотива деятельности. Не отвергая факта наличия у человека желаний и стремлений как житейских понятий, он вводит понятие мотива как предмета потребности, как того, что удовлетворяет потребность и ради чего осуществляется деятельность. Поэтому для него деятельностью была не любая активность человека, а только такая, в которой предмет активности субъекта (то, на что активность направлена) совпадал с предметом потребности, т. е., в его терминологии, с мотивом. Понятие мотива как предмета потребности вводится им как научное теоретическое понятие, как абстракция всего того, что может удовлетворять потребность, и потому предмет потребности нельзя понимать как некий объект, в котором нуждается человек. Физический объект (в том числе предмет человеческой культуры) или осознанное желание (цель) могут приобретать для субъекта активности ситуативный временный смысл предмета потребно-

сти и, тем самым, временно исполнять функции мотива «здесь-и-сейчас».

Поэтому в качестве предмета одной и той же потребности могут выступать несколько объектов, приобретающих временно смысл предмета потребности в конкретных условиях жизни живого существа (например, различные пищевые объекты); а один и тот же объект может одновременно иметь смысл предмета нескольких потребностей (приобретаемая одежда отвечает одновременно нескольким потребностям человека — потребность в терморегуляции, престиж, эстетическая потребность и др.).

Важное значение для понимания порождения деятельности имело введение в психологию понятия биологического и личностного смысла.

Необходимость адаптивной и созидательной деятельности дана животным и человеку в его потребностях, конкретизированных в предметах потребностей и желаниях к овладению этими предметами. Человек эмоционально отражает и оценивает жизненные ситуации, что обусловлено его потребностями и мотивами, а также воздействием на него среды (природной и социальной). Поэтому человек существо пристрастное: страдающее и радующееся, верующее и разочаровывающееся, любящее и ненавидящее, для которого все жизненные ситуации и собственные действия имеют личностный смысл. Потребности, при этом, могут быть поняты как жизненные задачи организма, природного субъекта, социального субъекта и личности, удовлетворяемые как природными объектами, так и продуктами человеческой деятельности, приобретенными смыслами предметов потребностей и в том числе осознанными мотивами-целями, выбираемыми самим человеком в качестве жизненных ценностей.

Предметы или осознанные цели, приобретшие смысл предмета потребности, становятся конкретными мотивами деятельности животных и человека в текущей ситуации. Это открывает новый подход к пониманию мотивации деятельности как особой активности по выбору того, что становится предметами потребностей в текущей ситуации; активности по выбору способа деятельности; активности по целеобразованию, определяемому принятым способом достижения предмета потребности, и активности по построению побуждения к действиям. Такой подход убирает постулат непосредственности и из сферы мотивации, позволяя рассматривать мотивацию не как «включение» поведения внешним или внутренним воздействием (стимулом), а как особую активность субъекта по порождению деятельности и отдельных действий через создание побуждения к действиям (аналогичную активности по порождению образа, мысли или воспоминания — мнемические, перцептивные, мыслительные или умственные действия).

Вопреки распространенному мнению, мотив, как бы он ни понимался, сам по себе не может инициировать нужное поведение, а понимание мотива как предмета потребности, как того, ради чего осуществляется деятельность, в принципе, исключает способ-

ность мотива непосредственно побуждать деятельность.

Побуждение к деятельности, а точнее, к действиям, через которые реализуется деятельность, создается как результат особого процесса, начинающегося с актуализации потребности и эмоционального переноса побудительности на объект, приобретший смысл предмета потребности. А временный смысл цели как мотива и действия как деятельности делает цели действий временно побудительными, потому что вне этого процесса цели не побудительны. А.Н. Леонтьев специально обращал внимание исследователей на то, что цели действий сами по себе не могут побуждать действие, а это означает, что должен быть особый процесс построения побуждения к действию. Роль мотива заключается в запуске этого процесса, первым звеном которого является временный перенос побудительности мотива на цель действия, временно приобретающего смысл целой деятельности (а цель — смысл мотива). Смысл цели и действия становится тем психологическим механизмом, который переносит временно побудительность мотива на цель действия. Далее процесс построения побуждения к действию разворачивается с учетом оценки наличия средств действия, владения субъекта навыками их использования, оценки вероятности успеха и последствий действия для себя и других, с учетом своего функционального и эмоционального состояния, оценки и учета энергетической и временной цены действия, учетом прогноза изменений ситуации и оценки момента времени необходимости или возможности действия и т. д. Результаты этих оценок могут снижать степень побудительности мотива и цели до величины ниже пороговой для начала действия, и деятельность не начинается или прекращается. И только в простой и привычной для субъекта ситуации этот процесс построения побуждения к действию может свернуться и создать иллюзию побуждения действия непосредственно мотивом [3].

Дело историков психологии установить, кто первым сформулировал идею о развитии психики в деятельности. Я хочу обратить внимание читателей на то, что проблема развития психики в деятельности в работах А.Н. Леонтьева была центральной темой. В его концепции развития психики деятельность не только ставит перед субъектом задачу развития психических процессов, обслуживающих поведение, но и создает возможности их развития.

По мнению А.Н. Леонтьева, деятельность первично управляется условиями среды, которым она вынуждена подчиняться. Но завершенная деятельность всегда порождает три результата: во-первых, продукт (предмет потребности), ради которого она и совершалась; во-вторых, образ действий и предметных условий, в которых деятельность разворачивалась; а в-третьих, последствия деятельности и отдельных действий для самого субъекта деятельности и других людей.

Созданный субъектом продукт в следующий раз используется им в такой же деятельности как обра-

зец для изготовления такого же продукта и, тем самым, развивает умение человека, что, в свою очередь, позволяет производить более совершенный продукт, и значит иметь более совершенный образ продукта, условий деятельности и отдельных действий. Порождение новых видов деятельности в жизни человека расширяет его каталог умений и знаний, необходимых в том числе для новых видов деятельности. Последствия деятельности позволяют не только оценить степень успешности деятельности, но и ставят перед субъектом деятельности задачу нравственной оценки своих действий. Осознанное принятие человеком необходимости решения этой задачи позволяет человеку стать личностью, управляющей своей деятельностью на основе отношений к другим людям, а первыми такими отношениями становятся отношения по поводу последствий своих действий друг для друга.

Понятие смысла действия оказалось полезным при рассмотрении проблемы понимания психологических механизмов волевой регуляции. Волевою регуляцией, в традициях подхода Л.С. Выготского к воле как овладению собой, можно понять как работу высшей психической функции, обеспечивающей произвольную саморегуляцию и самодетерминацию с личностного уровня человека. Механизмом такой регуляции может быть намеренное изменение смысла действия, принятого человеком к исполнению по разумным осознанным основаниям, но мотивационно не обеспеченных. Обычно создается новый дополнительный смысл принятого действия на основе привлечения личностных ценностей, в том числе и через воображаемые и прогнозируемые ситуации. По крайней мере этот механизм позволяет объяснить полученный в исследованиях К.М. Гуревича результат (кандидатская работа, выполненная под руководством А.Н. Леонтьева), когда предмет потребности (в данном случае им была конфета), данный наглядно, хуже регулировал действия ребенка, чем убранный на глазах ребенка в шкаф. В первом случае конфета как мотив действовала своей побудительной стороной, а во втором случае проявлялась смыслообразующая функция мотива, регулирующая заданное ребенку действие [2].

В двадцатых годах двадцатого столетия психология получила новый взгляд на природу психики человека, а именно, культурно-историческую теорию Л.С. Выготского. Историкам психологии еще предстоит выявить философские, общенаучные и психологические работы, которые послужили подсказкой Л.С. Выготскому в создании его теории. Отметим только, что это был период, когда в науках о поведении живых существ открылись новые возможности для объяснения сложного нелабораторного поведения животных и человека. Именно в этот период, на фоне авторитетных для всего мира работ классика науки о мозге и поведении И.П. Павлова, появились работы А.А. Ухтомского, Н.А. Бернштейна, П.К. Анохина, А.Н. Северцова, В.А. Вагнера, В. Кёлера, П. Жана, Э. Толмена и других ученых, уходящих от карте-

рианского понимания поведения как активности, определяемой только работой мозговых физиологических механизмов (мозговыми процессами).

В это же время в психологии все отчетливее оформлялось понимание, что человек есть не только биологическое существо (антропологический подход), но в первую очередь существо социальное, решающее социальные по содержанию задачи, использующее социальные способы и средства их решения.

Благодаря работам Ф. Бойтендайка, З. Фрейда, К. Левина, появилось понимание, что психика животных и человека зависит от способа жизни вида и индивидуальных событий в жизни человека.

Жизнь в обществе поставила перед человеком новые задачи, для решения которых у него не было ни готовых способов поведения, ни возможностей решать новые задачи на основе природных психических средств. Эти трудности стали постепенно осознаваться психологией, и на фоне этого осознания Л.С. Выготским был предложен вариант выхода из такой критической ситуации. Понимая, что природная (натуральная) психика человека не может успешно обслуживать новое социальное поведение, в первую очередь трудовую деятельность, Л.С. Выготский вводит предположение, что на основе натуральных психических функций у человека формируются особые психические образования, которые он обозначил как высшие психические функции (ВПФ).

Эти новые психические функции (процессы) понимались как социальные по своему происхождению, осознанные и произвольные по способу функционирования, опосредованные, т. е. вооруженные различными средствами, часто намеренно создаваемыми для конкретной психической задачи, и системно построенные, т. е. представляющие собой систему совместно работающих натуральных психических процессов и внешних моторных операций.

Высшие психические функции понимались как особая форма психической активности и обеспечивали достижение результатов, аналогичных тем, которые создавались натуральными психическими функциями, например запоминание нужного материала. Но теперь это достигалось особым способом (намеренным и произвольным) и совершалось как особая активность человека, использующая в том числе создание и употребление внешних средств, например для запоминания (от узелка на память до записи на магнитофонную ленту).

Участие моторных действий и внешних предметных средств в запоминании позволила Л.С. Выготскому говорить о выходе психики за пределы мозга. Это теперь нам стало понятно, что психика не может выходить за пределы мозга, и не потому, что она не может существовать вне мозга, а потому что она изначально не находится в нем и создается не мозгом самим по себе, а субъектом деятельности, использующим для этого свои органы, главным из которых является мозг. Психические образы рождаются с помощью мозга, но главным в процессе их порождения является собственная специфическая активность

субъекта как в физическом, так и в субъективном пространстве (пространстве субъективных переживаний). За пределы мозга выходит не психика, а отдельные звенья (операции) процессов создания и воссоздания образов (восприятие и память), решения различных задач сознательной деятельности человека (мышление).

Такой способ функционирования ВПФ оказался аналогичным многим видам социальной активности человека (речь, письмо, счет и т. д.), что прямо отмечал Л.С. Выготский, считая их особыми ВПФ. Это означает, что ВПФ не являются психическими процессами в чистом виде, а представляют собой целенаправленные особые действия. Хотя эта идея самим Л.С. Выготским не была четко прописана, тем не менее логика понимания ВПФ заставляла рассматривать их как особые действия человека, имеющие внешние и внутренние операции (звенья), опосредованные внешними и внутренними средствами (орудиями), направленные на решение задач ориентировки и управления социальной деятельностью человека, что и было сделано в работах А.Н. Леонтьева. Л.С. Выготский неоднократно подчеркивал, что ВПФ формируются у ребенка с помощью взрослого в их совместной активности (действиях), и они похожи на трудовые действия, вооруженные различными орудиями, повышающими их потенциал и меняющими их строение. Такое понимание ВПФ позволяло осознать, что психические процессы из момента (звена, операции) приспособительного поведения животных и человека, обеспечивающего создание ориентирующего образа ситуации поведения и закрепление полученного индивидом опыта поведения или поиск новых способов приспособительного поведения, становятся для человека самостоятельными задачами по получению результатов, подобных результатам натуральных психических процессов, обеспечивающих эффективную ориентировку, управление и регуляцию социального поведения человека.

Ребенок обучается, непроизвольно или намеренно и осознанно, с помощью взрослого осуществлять перцептивные, мнемические или умственные действия, результаты которых служат регуляции его социального поведения, а в ряде случаев они становятся для человека конечным результатом его активности (например, намеренное запоминание текстов для воспроизведения их с эстрады или для сдачи экзамена).

Понимание ВПФ как особых действий человека, вооруженных различными средствами и имеющих много звеньев внешней и внутренней активности, означало, что у человека появляется новый вид активности (работы), осуществляемой в пространстве субъективных переживаний или внутреннем плане сознания.

Эти действия в плане сознания, конечно, были аналогичными по своей структуре внешним предметным действиям в физическом или социальном пространстве жизни человека. Это тождество строения внешней и внутренней активности постоянно

подчеркивали Л.С. Выготский и А.Н. Леонтьев, что и породило гипотезу о происхождении действий во внутреннем плане из внешних предметных действий. Некоторые авторы на этом основании стали отстаивать более общую гипотезу о порождении психики из внешней предметной материальной активности.

На самом деле более адекватной и эвристичной представляется идея о генетически заданной некоторым видам живых существ способности иметь субъективные переживания (ощущения, или, точнее, чувствования) и совершать идущую от них самих активность как в физическом пространстве (внешняя активность, поведение), так и в пространстве субъективных переживаний (А.Н. Леонтьев), обучаясь конкретным видам такой активности.

Мы знаем, что некоторые виды (формы, способы) и внешней, и внутренней активности определены генетически (например, врожденное поведение), но многим способам поведения и животные и человек должны учиться, приобретать их при жизни в определенных условиях, часто в контактах с взрослыми, наблюдая за ними или действуя совместно с ними.

А.Н. Леонтьев заметил, что только внешняя предметная деятельность может быть воспринята со стороны, чтобы стать наглядным образцом при обучении действиям в плане сознания. Поэтому интериоризация — это не буквально понимаемый перенос внешних действий во внутренний план, а процесс построения ребенком у себя с помощью взрослого (по наглядному образцу внешних предметных действий) такой же способности действовать в плане сознания, как и у взрослого.

То есть за *культурно-исторической психикой* человека А.Н. Леонтьев увидел его *культурно-историческую деятельность*, которая и определяла изменения в психике человека. Можно выяснять и спорить о том, кто и зачем первым обратился к понятию деятельности, но это обращение не было случайным, так как культурно-историческая теория психики нуждалась в более общей психологической теории, объясняющей социальную жизнь человека. Теория Л.С. Выготского ушла от антропологического понимания человека, а понять человека как социальное существо можно только на основе признания социальной жизни человека как основной и ведущей для него.

Но социальная жизнь человека сама должна быть понятой в категориях психологии, и заслуга А.Н. Леонтьева заключается в том, что в качестве такой категории он предложил понятие деятельности как единицы (отрезка, кусочка) жизни человека. Жизнь человека есть ансамбль, система его деятельностей. Жизнь не сводится к деятельности, она есть один из способов жизни. Но для человека нет жизни вне социальной деятельности — только существование как биологического существа. И именно социальные виды деятельности требуют от человека новой психической регуляции, регуляции на основе не образа ситуации (физического поля действия), а образа мира (поле социальной жизни человека).

Необходимость новой психической регуляции социальной жизни (деятельности) порождает необходимость обращения человека к новым способам ориентировки и управления деятельностью через порождение особых действий, обеспечивающих создание образа мира и умение решать познавательные и конструктивные задачи.

Одно из основных положений теории деятельности применительно к психике как раз и заключается в том, что порождение психических образов понимается как активный процесс решения исследовательских и познавательных задач, как осуществление особых действий человека (перцептивных, мнемических, мыслительных), учитывающих не только текущую стимуляцию, но и знания, накопленные человечеством.

Но именно так понимались и высшие психические функции в культурно-исторической теории. Это было не просто совпадение положений двух теорий. Обе теории имели общую основу — зависимость психики от способа жизни. Фактически культурно-историческая теория психики и теория деятельности, дополняя друг друга, выступают разными проявлениями социальной сущности человека, социального способа жизни.

В генетическом плане теория деятельности является более общей, объясняющей способность

живых существ не просто жить в быстро меняющихся условиях среды, но и создавать условия своей жизни, «новую историческую природу», потому что деятельность человека становится созидательной. Человек не приспосабливается к имеющимся условиям жизни, он начинает их производить. И эта новая созидательная деятельность преобразует природные психические процессы, включая их в функционирование особых действий человека, названных Л.С. Выготским высшими психическими функциями.

Созидательная деятельность меняет статус психики. Из субъективной составляющей деятельности (ее момента) психическая активность превращается в самостоятельную творческую силу, самостоятельные виды деятельности, осуществляемые не столько в физическом плане активности, сколько в плане сознания (литература, живопись, музыка, скульптура, философия и наука).

Появление у человека сознания и становление его как личности, живущей в особом нефизическом пространстве культуры, в том числе морали, создает человека как особую психическую реальность, становящуюся «хозяйном» человека и как организма, и как субъекта природных отношений (природного индивида), и как субъекта общественных отношений (социальный индивид).

Литература

1. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3. Проблемы развития психики. М.: Педагогика, 1983. 368 с.
2. *Иванников В.А.* Психологические механизмы волевой регуляции. М.: Питер, 2006. 203 с.
3. *Иванников В.А.* Основы психологии: Курс лекций. М.: Питер, 2010. 327 с.
4. *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М.: МГУ, 1981. 584 с.

5. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 302 с.
6. *Леонтьев А.Н.* Философия психологии. М.: МГУ, 1994. 287 с.
7. *Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. 421 с.
8. *Сеченов И.М.* Избранные сочинения. М.: Минпрос, 1953. 333 с.

A.N. Leontiev's Ideas and their Significance for Modern Psychology

V.A. Ivannikov

PhD in Psychology, professor at the Personality Psychology Department, Lomonosov Moscow State University

The paper analyzes several ideas from the works of A.N. Leontiev and reflects upon the effects of these ideas on the development of general psychology and in particular on the understanding of animal and human behavior through the concepts of activity, perception and motivation processes, voluntary regulation. Thus, the paper analyzes the concept of 'sensory experience' and the role of activity in transforming experiences into senses; discusses Leontiev's contribution to the understanding of motivation in terms of his introduction of the concept of an object of need and his new interpretation of the motive of activity; analyzes the role of the concept of meaning in creating a temporary derivative of goal valence and in voluntary self-regulation. Finally, the paper explores the connection between the ideas of Vygotsky and Leontiev and the relationship between cultural-historical psychology and Leontiev's activity theory.

Keywords: subjective experiences, activity, object of need, motive, motivation, meaning, volition, higher mental function, cultural-historical activity.

References

1. *Vygotskii L.S.* Sbranie sochinenii. Tom tretii. Problemy razvitiia psikhiki. [Works. Third Volume. Problems development of the mind] Moscow. Pedagogika. 1983. Moscow. Pedagogy.

2. *Ivannikov V.A.* Psikhologicheskie mekhanizmy volevoi reguliatsii [Psychological mechanisms of volitional regulatsii]. Moscow: Piter. 2006.

3. *Ivannikov V.A.* Osnovy psikhologii. Kurs lektsii. [Principles of Psychology. Course of lectures.] Moscow: Piter. 2010.

4. *Leont'ev A.N.* Problemy razvitiia psikhiki [Problems of development of the mind]. Moscow: MGU. 1981.

5. *Leont'ev A.N.* Deiatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. [Activities. Consciousness. Personality.] Moscow: Politizdat, 1975.

6. *Leont'ev A.N.* Filosofii psikhologii [Philosophy of Psychology]. Moscow: MGU, 1994.

7. *Rubinshtein S.L.* Problemy obshchei psikhologii [Problems of general psychology]. Moscow: Pedagogika. 1973.

8. *Sechenov I.M.* Izbrannye sochineniia [Selected Writings]. Moscow: Minpros. 1953.